

Оглавление

Мамочка.....	5
Чаюри	30
Жених.....	57
Лешка	87
Козочка	137
Плоский.....	157
Русалка	175
Батюшка	189
Хористка	211
Леший	230
Ведьма.....	261
Таня	289
Пассажир	304
От автора.....	317

Мамочка

Март 1990

— Женщина! — взвизгивают над ухом.

Александра Федоровна отрывает руку от разложенных радугой турецких маек и поднимает глаза. Продавщица с малиновыми губами нависает над ней. Таращится.

— Женщина, вы брать будете? А?

Александра Федоровна мотает головой.

— Ходют тут, ничего не покупают: «Мне просто посмотреть», — пискляво выговаривает ей продавщица и оттесняет от прилавка.

«Помада размазалась», — думает Александра Федоровна, глядя, как продавщица дует губы и ревниво поправляет бирки.

Вещевые ряды пахнут дерматином и обувным клеем. Александра Федоровна морщится, но не решается прикрыть нос. Только подтягивает хозяйственную сумку к животу и обхватывает обеими руками. Она идет медленно, покачиваясь по-утиному, а под брезентом бряцают два медных подсвечника. За вещевыми рядами — открытые прилавки с заграничными помидорами, розовощеки-

Надежда Ларионова. Не воротишься

ми, налитыми и такими до неприличия дорогими, что Александре Федоровне становится тяжело дышать. Она сдвигает берет со лба, утирает лицо и морщится от ворсинок, попавших с перчатки в нос. К запаху помидорной ботвы примешивается плесневый душок. Так пахнет в подвале, куда она спускается за своими скромными припасами. Спускается, осторожно ставя ноги на шаткие перекладыны, — как бы ногу не подвернуть, не ухнуть вниз, ведь если ухнет, кто ее искать-то будет? Некому теперь. Александра Федоровна пересчитывает пузатые банки с огурцами, плавающими в мутноватом рассоле, берет из ящика пару подернутых коркой льда картофелин, выбирает пару сморщенных свекольных голов и карабкается назад в едва натопленную кухню. На чай тоже копейки лишней нет, пьет горячий кипяток — чтобы внутренности согреть. Варит постный свекольник и вспоминает Толстого с его вегетарианской диетой.

— Супчик жиденький, но питательный, — слышит Александра Федоровна присказку покойного отца. — Будешь маленькой, но старательной.

Александра Федоровна будет старательной. Нужно дожить, дотянуть до тепла. После долгой зимы на полках осталось немного. А там и на крапивных щах...

— Р-рав! — прыгает на Александру Федоровну грязно-белая болонка, выскочившая между рядами.

Подсвечники в сумке звякают, напоминают. Александра Федоровна протискивается через толпу у ларька с забугорным тряпьем.

— Финские куртки за полцены, только сегодня, граждане, не теснимся, хватит на всех!

Проходит вдоль обшарпанной стены павильона и останавливается у подвала старьевщика. Не успела. Дверь заперта на навесной замок.

— Они закрыты сегодня, — констатирует из-за спины голос с южным акцентом. — В воскресенье приходи — тогда другое дело, целый день работать будут.

Александра Федоровна хочет ответить, что ей воскресенье не подходит: как можно, в воскресенье — на рынок. Но осекается. В воскресенье так в воскресенье. Никакой разницы.

— Дай бог здоровья, — отвечает она не глядя и идет к выходу. Подсвечники оттягивают руку. Мелодично стучат друг о друга, напоминают Александре Федоровне воскресный зов к заутрене.

С платформы, пошатываясь от резкого мартовского ветра, спускаются пассажиры городской электрички. Хлопают полы плащей, кто-то вправляет спицы вывернутого зонтика. Спицы щелкают, не желают вставать на место. Александра Федоровна сходит с тротуара на мостовую, где толпа разделяется на две части — поворачивает на Ленина или замирает пестрой стайкой на переезде. Ветер с путей налетает с новой силой, и Александра Федоровна вцепляется в берет. И не опускает руку, пока не поскальзывается на деревянном настиле

Надежда Ларионова. Не воротишься

и не хватается за чей-то грубый бушлат. Владелец бушлата охает и съезжает ботинком в жирную придорожную грязь. Оборачивается на Александру Федоровну и недовольно выдергивает локоть.

Толпа дружно переходит пути и направляется дальше по улице, а Александра Федоровна замедляется, ждет, когда парни на углу докурят, вотрут в асфальт бычки. Прикрывает нос платочком, озирается и сворачивает направо. Под соснами синееет нарастающий снег. В сером пальто и сером берете ее почти не видно с дороги. И даже стоящие на платформе не обратят внимания на крадущуюся тень в лесополосе. Иголки налипают на блестящие носы галош, но Александра Федоровна не останавливается. Не решается отереть их о снег или сойти на брусчатку. Рано еще, до фундамента дойти надо. Она идет почти вплотную к платформе, возвышающейся над землей на бетонных сваях.

— Не будешь слушаться — Кособочка утащит!

Александра Федоровна поднимает голову и видит два столба в синих резиновых сапогах и рядом парочку маленьких, ярко-желтых. Из желтых растут тонкие девчоночьи ножки в белых рейтузах. Бах-бах — топают они по снегу. А потом поскальзываются, плюхаются в талую жижу. Девчоночка вскакивает на ноги, но уже поздно. По рейтузам расплываются два пятна. Звонкий шлепок разносится от платформы, и следом — тонкий рев.

— Утащит! — Шлеп, шлеп.

Рев сливается с отвратительным звоном. Александру Федоровну передергивает. Она жмется к соснам и замирает: тренькает закрывающийся переезд. Загораются красным глаз светофора.

— Утащит, утащит... — шепчет Александра Федоровна. Жмурится и быстро отходит прочь, от платформы, от ревущей девчонки.

Фундамент серой могильной плитой вырастает из травы. Александра Федоровна падает на колени перед ним, утыкается взмокшим лбом в рыжую, торчащую из снега траву.

Полгода прошло, как она сидела на этом же месте. Сжавшись, нахохлившись под начинающимся дождем. Галоши глубоко увязли в черной жиже, но Александра Федоровна не замечала ни дождя, ни того, как коченеют пальцы на ногах. Только водила ладонью по заросшему бетонному краю и смотрела, как кусочки лишайника осыпаются в грязь. Сгоревшие поленья давно растащили на дрова. Остался только серый, треснувший в центре, бетонный зев. В глубине, где был заложен подвал, хлюпала вода и возилась окотившаяся полосатая сволочь. Александра Федоровна слышала, как она мяукает, собирает выводок по углам. Александра Федоровна обернулась: «Кыш!» — и встретила с желтыми дикими глазами. Кошка зашипела на нее, Александра Федоровна чуть не зашипела в ответ: тарашиться на меня вздумала, но...

Воздух разрезал стон. Потом еще и еще. Александра Федоровна не сразу поняла, что звук доносится не с платформы — слишком далеко. И не из леса. Стоны раздавались со стороны путей.

По земле будто пробежала судорога. Александра Федоровна встала и побрела на дрожь, на зовущие стоны.

Поломанные ветки. Черный запекшийся след на траве. Он тянулся по склону в мазутно-блестящую лужу. Александра Федоровна зажмурилась. Но заставила себя посмотреть.

След вел к телу, распластанному, раздавленному, будто бабочка на дороге. Сломанный зонт борщевика закрывал лицо. Где-то под зубастыми темными листьями дергались руки — Александра Федоровна видела только израненные багровые ладони. Стертые о брусчатку локти были неестественно вывернуты. Александра Федоровна подошла к неподвижным, раскинутым ногам. Белый край кости торчал из порванной на бедре штанины.

Снова не стон, а отзвук стога завибрировал в воздухе. Она потянулась к листьям. Но тут тело вскинулось, руки взметнулись вверх, будто кто-то дернул за них, и Александра Федоровна отшатнулась, упала на спину. А тело вытянулось над ней и заглянуло в лицо.

У самого тела лица не было. Под изломанными поднятыми руками, под взлохмаченными окровавленными волосами не было ни-че-го. Было черное месиво, черная зубастая пасть. И глаза. Боль вытекала из них — нечеловеческая, выдернутая из тела, как суставы, как белые края изломанных костей. Боль, которую она слышала, почувствовала разливающейся по железнодорожной полосе.

Пасть растянулась, искривилась жалобно. И из нее тонко-тонко, знакомо так:

— Мамочка...

Александра Федоровна попятилась, цепляясь пальцами за склизкую холодную землю.

— Верни меня, мамочка! — позвал тоненький голос.

Александра Федоровна завозила руками, ища за что ухватиться. Тело двигалось на нее, вращало глазами. Руки опали и плетьюми свисали вдоль залитого кровью туловища. Выдернутая бедренная кость щелкала на каждом шаге, вправляясь и вновь высовываясь из раны.

В спину уколол сучок тополя, повалившегося при пожаре, Александра Федоровна рывком поднялась, перепрыгнула ствол и побежала. За спиной ныло шатающееся тело, звало тоненьким знакомым голосом, Александра Федоровна зажала уши, но все равно слышала за спиной надрывное:

— Ты можешь вернуть меня! Мамочка! Мамочка!

Над головой со свистом проносится птица, и Александра Федоровна дергается и оглядывает железнодорожные пути. Слушает, как сосны трут-ся ветками на ветру и стучит удаляющаяся электричка. Александра Федоровна встает с колен и поворачивает к поселку.

Кривая. Кособокая. Кособочка. Тень между соснами, то ли чудится, то ли вправду стоит — башка набок, руки-крюки, ноги колесом, дергаются отвратительно, будто у опрокинутого на спину жука. И глаза, у-у, страшные, таращатся. Первыми ее заметили пассажиры вечерних электричек. Александра Федоровна стояла с ними на переезде. Один мужчина, высокий, с тонкой черточкой усов под массивным носом, утверждал, что Кособочка вылезла из леса, как только электричка

Надежда Ларионова. Не воротишься

остановилась, — он с отцом на лося ходил, у него глаз набит, сразу приметил, что тварь какая-то из чащи вылупилась на него и следит. А потом тварь эта за ним до самого дома чапала. Только вот собаки испугалась и дригнула восвояси.

Другой — нахохленный, в фуфайке до самого носа. Нос был свекольно-красный, лоб взмокший, и пахло от него совсем не одеколоном и даже не трудовым потом. Так вот он божился, что тварь шарилась у перрона аж в Сиверском. А потом, видимо, зацепилась за приступок или даже припрыгала на своих корявых лапах с чудовищной быстротой, так что, когда он вышел в поселке, она уже была тут как тут и зыркала на него дико, хищнически, но подойти близко не решилась.

Александра Федоровна вздохнула тогда с облегчением — по крайней мере, она людей не трогает.

Переезд вновь закрывается. «Твиньк-твиньк», — отзываются всполошившиеся в кронах сойки. Кособочка выходит в сумерках. Сначала слышен треск, это хрустит под ее ногами еловый настил. Потом можно разглядеть глаза — две красные фары, как на переезде, только маленькие и будто полыхают. И после, если ты, дурак, сунешься ближе, увидишь, как она корчится между соснами, как она разявит пасть и завоет:

— Ма-а-а! У-у-у-ма! — И давай раскачиваться, припадать на одну ногу, подпрыгивать к путям.

Кто знает, что случилось, когда один бывший ученик, Вова Барашкин, или Баранов, его еще дразнили Бяшей, оказался у Кособочки на пути. Только дружки его, раздавившие бутылку на тро-

их на новом перроне, слышали страшный треск в кустах и крики.

И дружки его сбежали. Бросили и дали деру. Александре Федоровне было стыдно за них. Она их такими не воспитывала.

А потом Бяшу нашли со свернутой шеей. Кучерявая голова смотрела за спину, как самому повернуть нельзя. Руки-ноги вывернуты сгибами наружу. Вместо Бяши между веток рябины висела сломанная шарнирная кукла.

— Мамочка, мамочка, — снова чудится Александре Федоровне, она оборачивается — не глядит ли черная тень из-за сосен. Но нет. Электричка пронеслась мимо, оставляя Александру Федоровну в мертвой тишине со звоном в ушах.

Следом пропали белорусы. Сразу трое — безымянные рабочие в одинаковых футболках с синим «abibas». Имена никто не запомнил, но в последний раз видели их на завалинке у свежесложенного, сладко пахнущего смолой соснового сруба. Строили дачу отцу Геннадию. От отца Геннадия об их судьбе и узнала. Пошла в лавку просфоры покупать — а там он стоит. Брови хмурит, на служку ругается. Она ему: «Батюшка, отец Геннадий», — и давай просить, чтобы на место на кладбище собрать помог, на хорошее, под березонькой. А отец Геннадий еще сильнее нахмурился и говорит: «Да уж мне и самому пригодится теперь, на три собрать надо». Ну а после службы все только и говорить стали что о белорусах. Куда пропали, за пивом ушли, что ли, или на рынок? И как так вышло, что через неделю соседи увидели — собаки дерутся, носятся по всей улице с чем-то то ли окровавлен-

Надежда Ларионова. Не воротишься

ным, то ли костяным в зубах. Проследили и нашли три искореженных трупа в сиреневых кустах. У одного как раз левой кисти не доставало.

Галоши хлюпают по снегу — наверное, те, кто на платформе, могут подумать, что она и есть Кособочка. Александра Федоровна даже хихикает и тотчас зажимает рот рукой — какие пальцы холодные, срочно за пазуху, и по приходе домой ноги в таз с горячей водой, под плед и пропотеть.

Перелесок остается за ее спиной, Александра Федоровна выходит на дорогу и щурится от яркого белого света. Солнце просвечивает через слой облаков, как через мутное стекло. Небо — белая перьевая подушка, придавившая лицо, заглушающая рвущийся наружу крик.

Ветер дует ей в спину, подгоняет Александру Федоровну до самого храма, пока она не ныряет в сухое, медом пахнущее храмовое нутро. Александра Федоровна юркает в притвор, где стоит чан для крещения, где в полутьме горит лампадка у иконы Казанской Божьей Матери. Утыкается лбом в позолоченный край рамы. Молится тихо, почти не дыша, боясь посмотреть в светлый лик:

— Богородица, заступница, видишь мою беду, видишь мою скорбь, помоги мне!

Молится, пока совсем уж нестерпимо не начинают ныть суставы.

Подъем в горку дается ей тяжело. Дом стоит на возвышенности, на рыжем, поросшем соснами обрыве. Забор давно стек по склону вниз, к бере-

гу. А за забором — Оредеж, холодная, порожистая, с шаткими рыболовными мостками и обнесенными рабицей заводами летних лагерей. Крыльцо завешено бурым шерстяным покрывалом, чтобы краска на двери не выцвела. Кое-где ткань проела моль, и через дыры пробиваются тонкие лучики света. Александра Федоровна садится в тени, прислонившись к дровнице спиной, и пытается отдышаться.

«Мамочка, мамочка, ма-ма...» — пульсирует в ушах. Страшное, потустороннее «мамочка». И другое, которое слышала столько раз. «Мамочка, мамочка», — Тата висит на подоле, хнычет, морщится и указывает пальцем на застекленный сервант. Там, в фарфоровой сахарнице, спрятана ее соска. Тате уже третий год, в садик ходит и сама одевается, а на сон все равно «пососькать» просит. Александра Федоровна закрывает глаза и сдерживается, чтобы не накричать на нее. Детской скулежки ей и на работе хватает. Тата тянет и тянет на одной плаксивой ноте, но Александра Федоровна понимает, что слышит уже не ее, а заунывную поминальную панихиду. Панихиду, которую не спели по Тате. Отказались петь.

«Не отпели, отвели от Господа». Александра Федоровна сползает по стеночке, под ладонью холодная, влажная доска. Тате пять, и она сама взобралась на дровяник. Глаза блестят, как у кошки, ручки вцепились в шиферный край. «Татьяна, спускайся немедленно! Я тебе сейчас!» — слышит она свой голос, такой звонкий, молодой и разъяренный. Ну а как иначе, шифер хилый, дешевый, проломится как пить дать. Тата хохочет, заливается, не знает, какая волна поднимается там, внизу, внутри

Надежда Ларионова. Не воротишься

ее матери, волна, которая захлестнет ее, их обеих, захлестнет с головой. Как Тата будет уворачиваться, жаться по углам, кричать жалобно: «Мамочка, мамочка!» А мамочка будет пропускать ее крик мимо ушей.

Веки тяжелеют, в голове гудит. Александра Федоровна зажмуривается и видит Тату в полутьме сеней. Тата возится с застежкой на туфле. В августе темнеет рано, и Александра Федоровна различает только ее беленькую макушку и ровный пробор. «Запаздываю опять, мамочка. Не сердись». На Тате белая блузка, слишком нарядная для ночной смены. Александра Федоровна не отвечает, поджимает губы и хлопает дверью в дом. Тата, Тата — отличница, Тата — гордость своей мамочки, школы, поселка — снова торопится просиживать юбку за кассой.

Татиного лица она больше не видела. И не видела, как на лоб ее, холодный и белый, кладут белый платочек для прощания.

Александра Федоровна обхватывает голову руками, она вся в снегу. Поднимает глаза — с неба сыплются крупные хлопья, похожие на куски булки, которые кидают голубям на церковном дворе.

Кипяток шипит, наполняя белую чашку с розой на боку и золотой каемкой. В последний раз попить из любимого сервиза — кабы знать еще, сколько за него дадут.

Это, нечто, черное и мертвое, шатающееся по лесам, разве оно может быть Татой? Это бесовщина, это тварь, Кособочка, а Тата... Вдруг ее и вовсе не было в ту ночь на вокзале? Разве Тата, ее снегу-

рочка?.. Чтобы не нашли ни одной целой косточки от нее, ведь и косточки достаточно, чтобы похоронить.

В ту летнюю ночь она проснулась, когда едкий дым просочился через открытое окно в спальню, пощекотал ноздри. Александра Федоровна вскочила, побежала к плите — выключена. К утюгу — черная вилка свисает с доски, поблескивая серебрястыми кончиками. Мазнула взглядом по полу, по стенам, нигде не было огня, хотя запах дыма слышался все отчетливее. Краем глаза заметила, что дочери нет на софе. И софа стоит собранная, гладкая.

— Тата, ты куда запропастились, Тата! — Голос со сна был жесткий, охрипший. И вдруг Александра Федоровна замерла у окна. Столб дыма высился над крышами соседних домов. Что-то екнуло у нее внутри тогда, укололо сердце тонкой булавочной иглой. Александра Федоровна прямо в тапочках выпрыгнула в росу.

Дым стелился по поселку. Александра Федоровна вцепилась зубами в рукав сорочки и побежала к калитке.

Когда она добралась до путей, у переезда уже толкались люди. Красно-черное пожарище урчало, как взбешенный медведь. Через стрекот и улюлюканье толпы Александра Федоровна слышала вой приближающейся пожарной машины. Машина пронеслась мимо, едва не задавив парочку полупьяных зевак. Но стоило машине проскочить за переезд, толпа вновь сомкнулась. В ней нарастало недовольство.

— Лей! Еще лей, больше воды надо!

Надежда Ларионова. Не воротишься

Александра Федоровна утерла рукавом глаза. И закрыла лицо руками. Из груди у нее вырвался хриплый то ли стон, то ли... Александра Федоровна расхохоталась, утробным, рычащим смехом, внутри у нее пульсировало — уже поздно. Уже поздно!

— Твоя? Твоя там?

Александру Федоровну затрясло, она обхватила себя руками, попятилась и села на камни у дороги.

Она не обращала внимания на собирающихся вокруг нее. Голова ее налилась тяжестью, сердце медленно протыкала игла. Александра Федоровна не противилась. Опустила голову на руки и стала качаться — туда-сюда, туда-сюда.

На губах становится больно, солоно, и капелька крови падает на белый фарфор. Кап. И новая капля бежит по подбородку и падает в кипяток. Окрашивает в нежный розовый цвет. Александра Федоровна зажимает ранку большим пальцем и выплескивает кипяток в горшок со спатиophilумом. Желтые листики вздрагивают. Несколько засохших падает на подоконник, и Александра Федоровна сгребает их в кулак. Давно надо было на мороз выставить. Только труху с него убирать. Зря его Тата со школы притащила. Хотя у нее цветы хорошо росли. Легкая рука. А этот — особенно. Даже цвел неприличного вида белыми цветами.

Александра Федоровна снова проходит по подоконнику, по столу и принимается осторожно, тонкой хлопковой тряпочкой, перемывать сервиз. Золотые каемки и лепестки роз на чашках сияют